

Елена Васильева-
Ефремова

Сердце снежинки

сборник рассказов

Елена Васильева-Ефремова

Сердце снежинки.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29828209

ISBN 9785449048707

Аннотация

Лирическая героиня этого сборника – юная девушка, которая очень хочет повзрослеть, но в душе остаться ребенком. Как это сделать? Например, услышать свою внутреннюю музыку, найти в осеннем парке тайную комнату и разбить вдребезги собственное сердце, прощаясь с иллюзиями. Как и персонажи других рассказов, она несовершенная и, на первый взгляд, даже слабая. Но это только на первый взгляд.

Содержание

Тайная комната	5
Во всем виноват Вивальди	18
Как здоровье, доктор?	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сердце снежинки

Сборник рассказов

Елена Васильева-Ефремова

© Елена Васильева-Ефремова, 2018

ISBN 978-5-4490-4870-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тайная комната

У комнаты были янтарные стены, черный пол и серый потолок. Она пахла влажной землей и мокрыми листьями. Впрочем, комнатой это место мог назвать только человек с очень богатым воображением – таким, как у Валерии.

В аллею парка осенью войду Как в комнату – янтарную, чужую... Эти строки вдруг, ни с того ни с сего, оказались у нее в голове. Просто так, непонятно откуда. Шестнадцатилетняя, окутанная мечтами о красивом однокласснике, Валерия шла по Москве. Было грязно, мокро. Ботинки хлюпали, брюки испачкались. Валерия была немного раздражена, немного влюблена и немного задумчива. Лямки рюкзака давили на плечи, до дома было идти еще минут десять, когда появился этот красивый образ – словно кто-то с неба швырнул ей прямо под ноги удивительное сокровище.

«Комната... Осенний парк – янтарная комната... Раньше, летом, я жила в этой комнате... Но тогда она была зеленой. А сейчас стала оранжевой, янтарной, чужой. Вот это да!», – Валерия остановилась, сняла рюкзак, вытащила оттуда первую попавшуюся тетрадку, и волнуясь, кривым почерком заполнила несколько клеток.

И тут же – будто бы они только этого и ждали – стали появляться новые слова-рифмы: пойду искать упавшую звезду, но встречу только тень – глухую и немую. Стих! Это был самый настоящий стих – и его сочинила она, Валерия. Неве- роятно!

Остаток дороги занял никак не десять минут, а все трид- цать. Но зато... Зато когда Валерия оказалась дома, в своей собственной, невыдуманной комнате, задние листки тетрад- ки по алгебре были заполнены новорожденными, зарифмо- ванными строчками. С этого все и началось.

Шестнадцать лет – самый подходящий возраст для того, чтобы писать стихи. Валерия это знала. Многие ее друзья увлекались этим, и Валерия тоже пыталась – однако напрас- но – четверостишья у нее получались вычурные, банальные, чужие.

Но с тех пор, как Валерия обнаружила в осенней Москве янтарную комнату, все изменилось. Стихи начали получаться! И все они были яркими, насыщенными, звонкими, глу- бокими...

«Это не я... Не я... Это мне кто-то нашептывает на ухо. Я так не могу... Я так не думаю...», – удивлялась она. Но рука лезла в рюкзак, за ручкой, за тетрадкой по алгебре, геомет-

рии, физике, химии, истории – и клеточка за клеточкой заполняла страницы чем-то совсем новым, мелодичным, сладковато-соленым.

Однажды на уроке литературы учительница дала задание. Написать не сочинение, а стихотворение. Нужно было продолжить строчку классика «свеча горела на столе». Валерия продолжила – «свеча горела на столе, прижались тени старых яблонь к шершаво-кружевной стене, потели стекла, был декабрь». И дальше – про недопонимание двух близких людей, про огонь, который нужно поддерживать, иначе он погаснет, про погоду, которая чувствует человека, в то время как большинство из нас считает, что это человек чувствует погоду.

– Андреева, подойти ко мне после урока! – сказала учительница, хлопнув тетрадь с работой Валерии. И потом, десять минут спустя, когда прозвенел звонок, сообщила: поедешь на районную олимпиаду по литературе... Бах! Солнечные зайчики запрыгали по стенам комнаты, янтарь посветлел, заискрился, засверкал... На олимпиаде Валерия занята второе место.

– Дочка, да ты молодец! У тебя талант! – говорила ей мама, изучая почетную грамоту и напечатанный на отдельном листке лаконичный стих в японском стиле.

Талант? Да, вполне возможно... Да, очень даже вероятно... Но... Валерия все никак не могла поверить в то, что происходит, откуда она берет эти образы, эти мысли, эти предложения... Она была простой шестнадцатилетней девочкой, не слишком способной и не слишком начитанной. Все это происходило с ней и словно не с ней: буквы капали вниз, на клетчатые страницы, чтобы там превратиться в настоящий словопад – бойкий и непрерывный. И что же со всем этим делать?

О том, что с этим, возможно, придется что-то сделать, Валерия поняла с наступлением лета. В июне она приехала на дачу – как и каждый год всех прошедших семнадцати лет. Но этот, семнадцатый год, был не такой как все – он был знаковым, особенным. Он был годом начала настоящей, взрослой жизни и очень большой, наивной и взаимной любви. Любовь носила имя Леонид, Леня, Ленчик, жила на соседней улице и умела целоваться как в кино – взасос, с языком.

– А что там у тебя, в этих тетрадках? – спросил однажды ее мальчик, ее первый мужчина. Они, как это было принято на тех дачных участках, сидели в компании сверстников на сваленном дереве, у заросшего пруда, курили и пытались умничать. Валерия, как это было у нее принято, прятала в кармане джинсов зеленую тетрадку с таблицей умножения

на обложке. Она всегда носила ее с собой, так же как и карандаш, замызганный, неточеный, старый – а вдруг придет в голову что-то такое, что нужно будет срочно записать?

– Там? Там... Да так, ерунда, глупости...

– Ну все-таки?

– Ну хорошо: стихи.

– Стихи? Ты пишешь стихи? Лерка, ну ты даешь! Почитай, а? Ну, пожалуйста! Да не ломайся ты! – их компания быстро забыла о чем говорила, и нашла новую, более забавную тему.

И Валерия сдалась. Нервничая, неправильно распределяя дыхание, не своим голосом, она описывала им интерьер янтарной комнаты. Интерьер, который давно уже превратился в целый организм. Вот – стекла из льдинок – это глаза. Вот – паркет с кельтским узором-татуировкой – это руки. Вот – лампа, горячая как солнце – это сердце. Вот...

– Гы, гы, гы... Ну ты загнула! Да ты, мать, поэт! – и Леня, вырвав тетрадку из Лериных ладоней, сложил ее пополам, стукнул Леру по спине и повернулся к остальным. – Ну что, пойдём купаться?

Тогда-то Лера и поняла, что со всем этим нужно что-то делать... Она не такая как все... Она смешная... Поэт? Да какой из нее поэт? Она студентка первого курса экономфака, будущий менеджер, управленец, маркетолог – кто угодно, только не Пушкин, не Лермонтов, не Блок. Это в школе можно было блистать на олимпиадах и хвалится перед мамой глянцевою грамотой. Здесь, в новой, взрослой жизни, ее стихи, ее янтарь, были не к месту, они мешали ей, портили ее репутацию. Нужно было выбираться из этой любимой, потаенной комнаты, изучать мир по ту сторону янтарных стен. Но это было очень непросто...

– Знаешь, мне кажется, что если я перестану писать, я перестану дышать! – призналась она сама себе, своему внутреннему голосу, внимательному слушателю и критику. Но критик ответил: «Не перестанешь. Пиши, пока пишется. Стихи скоро кончатся, пропадут... Стихи пишутся от безделья, а тебе предстоит большая работа».

Да... Так и случилось! С поступлением в институт началась совсем другая жизнь, где лирике и безделью просто не было места. Конечно, стихи не исчезли просто так, по шучьему веленью. Сначала янтарь потускнел, облупился, потом ожили и выползли наружу насекомые, застывшие в сосновой смоле – мухи, пауки, муравьи... Они ползали по Лериному мозгу, щекоча и кусая его, забивали тот канал, через кото-

рый когда-то так свободно буквы скатывались в необычные, неповторимые строчки. И писать стало трудно. Слова стали получаться под стать выводившему их карандашу – деревянными, затасканными, тупыми. Дверь, ведущая в янтарную комнату, на прощанье один раз скрипнула, а затем бесшумно закрылась... Кончились стихи, началась проза.

Началась проза, проза большой хлопотной жизни. Сессии, пересдачи, госэкзамены, защита диплома, поиски работы, устройство на работу, работа, нервы, усталость, курсы английского, отпуск, увольнение, новая работа, новые курсы... А между всем этим – встречи, встречи, расставания. Новые мужчины, старые мужчины... И, наконец, он – тот самый, который в одно из субботних утр вынес ее из ЗАГСа на руках.

Янтарь, застывшая смола, горькие ароматы осени – все это было частью прошлого, частью детства – светлого, полного грез и надежд. Лера уже успела позабыть свое былое увлечение, когда Джоан Роулинг написала вторую книгу – «Гарри Поттер и тайная комната». Тайная комната... От этого словосочетания что-то вздрогнуло, что-то ойкнуло внутри, словно кто-то дотронулся до старой, но еще до конца не зажившей болячки. Английская писательница отыскала вход в заброшенный Лерой тайник – открыла его и теперь хозяйничала внутри, имея на то полное право.

– И поделом тебе! Нечего было нюни распускать – у тебя, мол, талант, тебе нужно писать... Вот она – талант! Она – истинная владелица этой комнаты, а ты так – приживалка, лимитчица. – на этот раз внутренний голос был безжалостен и категоричен.

Лера была с ним согласна, но... Ей вдруг показалось, что миссис Роулинг вместе с маленьким близоруким волшебником подают ей какой-то знак. В тайную комнату могут попасть только избранные – маги и колдуны – те, кто владеют особым языком. Лера когда-то владела. Теперь им владеет Джоанна. Но, может быть, это намек на то, что пора освежить в памяти грамматику этого языка? Пролистать словарь?

Лера уже почти потянулась к антресолям, чтобы отыскать свои старые зеленые тетради, когда к ней подошел муж.

– Мне нужно тебе кое-что сказать... Ты только сядь, ладно? Рядышком со мной. Да, вот так. Дай обниму. Как хорошо!

Он держал ее за руки и смотрел на нее – внимательно, изучающе, непонятно.

– Что-то случилось?

– Да. Случилось. У меня плохие анализы. И прогнозы врачей тоже плохие...

Эту минуту Лера запомнила навсегда. Жизнь остановилась. Мгновенно. Они с мужем словно оказались в вакууме – где ход мыслей замедлился, а окружающий мир стал ярче, осязаемее и злее. Ветер раскачивал форточку, на столе стояла чашка с коричневатым, дымящимся чаем, под окнами кричали подростки, наверху двигали мебель соседи, пахло жареной курицей – все это было таким осязаемым, таким резким. Все это запомнила Лера.

– Но мы же будем бороться, да? Мы же сможем что-то с этим сделать?

Муж ничего не ответил. Он просто прижал Леру к себе и поцеловал в волосы.

Конечно, они боролись. Боролись вместе с врачами, вместе с лекарствами и хирургическими инструментами. Они боролись так, что у Леры, которая раньше беззаботно и бессмысленно плыла по жизненному потоку, появилась цель, мечта, молитва.

«Пусть он поправится, Господи, сделай так, чтобы он поправился!».

Слышал ли ее Бог? Вероятно, да. Но, как всегда, действовал по своему сценарию.

Муж угасал долго, борясь, улыбаясь. Она пыталась запомнить каждую пору на его коже, каждый шрам, каждую складку. А он исчезал – постепенно, не торопясь, таял, растворялся... Его тело – такое ненастоящее, похудевшее, с синяками под глазами, существовало в их спальне, пока он сам, настоящий, продолжал сопровождать Леру повсюду: в магазин, на улицу, к маме. Лера говорила с двумя субстанциями мужа – той, которая умирала на смятых, мокрых от пота простынях, и той, которая всегда была с ней, которая постепенно слилась с ее внутренним голосом.

Лера уже почти смирилась с тем, что мужа не станет. Но когда его действительно не стало, она не могла смириться с тем, что когда он был еще жив, думала о его смерти...

Больница, кладбище, горстка земли, с невыносимым звуком разбившаяся о крышку гроба, яркие цветы на свежей могиле – это был конец всего.

Смысл жизни изменился, трансформировался... Да и не было его больше —смысла. Весь мир, всё-всё-всё, обесцветилось, выцвело, полиняло... Зачем было жить дальше? Зачем, когда на каждом шагу ее сопровождали последние

слова мужа «Валерёнок, воздуха!».

«Мне кажется, что если я перестану писать, я перестану дышать...», – так думала она раньше. Она пережила свои стихи, своего мужа, но дышать не перестала. Но теперь всерьез думала о том, чтобы перестать. Зачем дышать, когда он больше не дышит? Лера не знала.

Год спустя, в середине октября, Лера гуляла по Москве. Не жалея обуви, наступала в грязные, кривые лужи, пачкала брюки, мочила ноги... В конце ее привычного маршрута был густой, великолепный парк. Она любила заглядывать туда – смотреть на деревья, слушать птиц. На этот раз она решила не бродить по длинным аллеям, а просто присесть на скамейке, расслабиться, погрузиться.

Погода была в унисон Лериному настроению – влажная, серая, невеселая. Вокруг носились дети, мелькали велосипедисты... Из церкви, спрятанной где-то между кленами, тянулся тонкий колокольный звон. Как хорошо... Как спокойно... Умереть бы прямо здесь.

Но вышло иначе. Лера наблюдала за осенью, не подозревая, что осень тоже наблюдает за ней. Наблюдает и подкидывает сюрпризы... Самые неожиданные сюрпризы... Прямо над Лериной головой пролетела маленькая птичка с жел-

тым клювом, прямо к Лериным ногам упал совершенный оранжевый лист... Лера наклонилась, чтобы поднять его и... Рядом с этим листом, в миллиметре от ее ботинка, лежало кольцо. «Похоже, золотое» – подумала Лера. Но это было не главным, а главным был камень – янтарь: солнечный, радостный, он словно улыбался ей...

Янтарь... Как странно... Как знакомо... Янтарь – янтарная комната. Что это? Знак? Намек из прошлого? Лера не могла поверить, понять, даже удивиться – слишком много противоречивых, стремительных мыслей, ассоциаций, образов – появилось за мгновение у нее в голове.

Она долго смотрела на находку: что же стоит делать? Забыть обо всем и предпринять еще одну попытку? Положить кольцо в карман или же...? Время шло, день перетекал в вечер, влажный воздух тяжелел, превращаясь в морозящий дождь. Наконец она решилась. Посмотрела на улыбающийся камень, улыбнулась ему сама, зажала кольцо в ладони и, резко вдохнув, закрыла глаза...

Дверь, из-под которой пробивался бодрый, ослепительный свет, начала медленно и бесшумно открываться... Валерия сделала первый, неуверенный шаг, а потом, вдруг осмелев, быстро переступила порог.

За эти годы комната изменилась как после капитального евроремонта. Янтарь на стенах был заключен в позолоченную оправу, серый потолок сменило голубое небо работы неизвестного художника, шуршащий ковер был покрыт ином. Но воздух... Аромат осенних листьев и мокрой земли был тем же, что и двадцать лет назад.

Я в комнату янтарную войду, Поймав под утро старый детский сон...

Может быть, начать так? Или... Внутренний голос, голос из другого, неизвестного ей мира, такой знакомый и любимый голос ответил за нее: «Не важно как. Главное, пиши, дыши, Валерёнок! А я всегда буду ждать тебя здесь – в нашей с тобой янтарной комнате».

Это был знак – вне всякого сомненья. Это был способ начать новую жизнь, смысл этой жизни... Валерия сняла с плеча сумку, достала записную книжку, нашла чистый лист и... Желтый луч выскользнул из-за облаков, преломился в верхушках осенних кленов и янтарным пятном лег на Валерины ладони. Тайная комната была снова открыта.

Во всем виноват Вивальди

Миша не был в Москве почти сорок лет. Сын советской воздушной гимнастки, сбежавшей в молодости за границу, он провел детство в Америке. Потом оказался в Румынии, женился, у них родилась дочь. Влюбился в другую, бросил жену, дочку, вновь женился, переехал в Германию, там появилась на свет новая дочка. И вдруг – жена призналась в измене. Жизнь расклеилась, раздвоилась на «до» и «после». «До» было эпохой самообмана, слепой любви, надежды на счастье. А «после»...

После он вернулся в Москву, мечтая начать все с красной строки или даже – с новой страницы. Книга судеб раскрылась в нужном месте – Миша встретил Оксану. Она была в два раза старше Миши, из интеллигентной семьи, с красным дипломом. Изо всех сил старалась выглядеть опытной, знающей. А сама тайком отпрашивалась у родителей, если понимала, что не будет дома в положенные двадцать два ноль-ноль.

Он смотрел на её наивные, без помады, губы, недорогую, но модную одежду, подчеркивавшую аккуратную фигуру... Смотрел на русые, с золотыми прожилками, кудри, на изящные руки, которыми она широко, от души, жестикулирова-

ла... Смотрел и думал о том, что вот она – награда, мечта. Хрупкая, серьезная... Еще совсем девочка. Он же – грузный, почти полностью седой, с ожогами на сердце. Чем заинтересовать её? Да и имеет ли он право это делать?

Для Оксаны же Миша был умным, опытным, состоявшимся. Человеком, живущим на стыке миров – русского, понятного, уже изрядно надоевшего, и западного – шикарного, манящего, знакомого лишь по фильмам, книгам, историям друзей. Миша говорил много и красиво, иногда – с немецким акцентом. И этот акцент, сопровождавший рассказы о его удивительном прошлом, в котором были встречи с настоящими принцами и принцессами, поездка в Антарктиду, дружба с самим Высоцким, действовал на Оксану гипнотически. Она забывала обо всем, и могла часами просто сидеть рядом с Мишей, слушать его истории, принимать его неуверенные ухаживания, улыбаться. Впервые в жизни ее боготворили, причем так изысканно. Делал это не какой-то пылкий самоуверенный ровесник, который толком и не знает, что делать с женщиной, а взрослый, умелый мужчина. И Оксана эгоистично наслаждалась этим обожанием, позволяя Мише сходить с ума от чувств.

Она привыкла к тому, что свидание – это кино, ресторан, первый поцелуй у её подъезда. Простая, отработанная, скучная схема, в которой менялись только имена – Олег, Сережа,

Андрей... С Мишей они ходили в джаз-клуб, где музыканты в перерывах подсаживались за их столик, а официанты вместо меню сразу приносили бутылку Pinot Noir и тарелку с домашним камамбером. Оксана однажды призналась, что мечтает брать уроки танго – на следующий день прямо к ней на работу курьер принес нарядную коробку, в которой лежали танцевальные туфли из мягкой кожи и записка: «Сегодня вечером твой первый бал, малыш». Они танцевали, ужинали в модном заведении в полной темноте, где можно было говорить о чем угодно, даже врать, – все равно лиц не видно... Гуляли по набережной до утра, обсуждая новую книгу Салмана Рушди, которого оба считали гением и героем.

Миша был счастлив. Мечта – горячая, обнаженная, засыпала в его руках. Сам же он спал несколько часов в сутки, и этого было достаточно. Ходил, будто пьяный, писал стихи, вместо того, чтобы работать... Работать не мог – какая работа, когда можно думать только об одном: когда наступит вечер?

Однажды вечер застал их в Консерватории. Оксана и Миша сидели, взявшись за руки, и между ними, вокруг них, отталкиваясь от стен и окон, кружилась музыка Вивальди – «Времена года». Банальная, всем знакомая классика, не раздражала, а наоборот, успокаивала, напоминала о чем-то родном, но забытом. Словно отец, вернувшийся из долгой ко-

мандировки, вошел в комнату, чтобы поцеловать спящую Оксану в щеку: всё, можно расслабиться, выдохнуть.

Она слушала музыку, закрыв глаза, а рядом сидел мужчина, чей влюбленный взгляд она чувствовала даже сквозь темноту век. И вдруг поняла: это взаимно. Она уже не представляет, как это возможно – провести хотя бы один день без Миши, не прикоснуться к нему, не услышать его голос.

Они проводили вместе все больше времени. Он не хотел ее отпускать – да и она сама не хотела никуда идти. Его друзья стали ее друзьями, про своих она забыла. На её работе, такой неважной на фоне остального, были сплошные авралы, начальница выходила из себя и заставляла всех оставаться в офисе допоздна. Оксана уволилась, решив подыскать себе что-то попроще.

Утром она врала родителям, что идет на работу, а сама отправлялась к Мише. Проводила дни в его дорогой съемной квартире с броской лепниной на потолке, готовила ужин, наряжалась в кружевное белье.

Как-то раз она решила сделать генеральную уборку (домработница так не сможет) и, протирая пол под кроватью, наткнулась на стопку фотографий. Миша и красивая, стройная женщина средних лет стояли в обнимку на фоне моря.

Закатное солнце освещало их лица, и было понятно: это – любовь, самая настоящая, та, которая навсегда. На следующей карточке к этой паре присоединилась маленькая девочка – копия Миши, только с длинными косичками. Бывшая жена Миши и их общая дочка смотрели на Оксану гордо, с превосходством: «Он нас помнит, он нас любит, он взял наши фотокарточки с собой, в новую жизнь, и даже ничего не рассказал про них тебе». Оксана хотела было порвать снимок, но передумала, и вместо этого начала со всей силы тереть пол.

У Миши же настала горячая пора на работе. К вечеру он выдыхался. Хорошо было, вернувшись домой, съесть вкусный, приготовленный Оксаной ужин. Но плохо, совсем некстати, отвечать на ее вездливые, недоверчивые вопросы: а почему ты так поздно? А с кем у тебя встреча? А кто эта женщина? Все чаще он, претворяясь уставшим, отворачивался к стенке и засыпал, слыша как Оксана, которая с надеждой на близость осталась на ночь, вздыхает и ворочается в темноте.

Он думал о том, как меняются женщины, даже самые лучшие, после того, как признаются мужчине в любви. Словно «я тебя люблю» – это и впрямь волшебные слова: произнеся их, юные девушки в соблазнительных юбках превращаются в ужасных сварливых теток в фартуках, испачканных мукой

и маслом.

Он уже проходил это – с первой женой, статной румынкой. Она так любила его, что просто забыла о том, что они – два разных человека. Взяла и бездумно слепила их жизни в одну. Мы, мы... Приходите к нам, нам понравился этот фильм, мы любим борщ – теперь и Оксана, кажется, забыла, что в русском языке есть еще одно местоимение – «я». Лишь одна женщина, кажется, помнила это – та, что вместе с любимой дочкой ушла от него к тому молодому, подтянутому немцу.

Он понимал, что еще чуть-чуть, и Оксана останется в прошлом. Да что там – он уже хотел, чтобы это произошло как можно скорее. Пусть это будет кто-то постарше, без претензий. Возможно, занимаясь любовью с другой женщиной, вспоминать будет именно ее, Оксану. Но сейчас пришла пора поставить точку. Да такую, которая бы избавила его от сцен. Пусть эта девочка все поймет сама.

Их роман длился уже почти год, когда Оксана решила: пора. Надо окончательно переезжать к нему, надо поговорить о будущем, о детях. Ожидая его в полутьме маленького кубинского ресторана, где отмечал день рождения их общий друг, она размышляла над тем, как они будут жить дальше. Оксана смотрела на пары, выплясывающие сальсу, и думала, что у них с Мишей все будет также же, как в этом танце –

ладно, страстно. А потом увидела его.

Она не сразу поняла, что это он. Не могла поверить. Миша шел, улыбаясь, пожимая руки друзьям, но шел не один – обняв за талию незнакомую женщину лет сорока, одетую в короткое платье с глубоким декольте. Вульгарные красные губы, сильно накрашенные глаза – несмотря на такой наряд и макияж она выглядела ухоженно, дорого, ярко. Наверное, родственница или коллега – попыталась успокоить себя Оксана. Оказалось, нет. Наташа, Оксана – познакомьтесь. Очень приятно. Взаимно...

Он лишь поздоровался с Оксаной, а потом вдруг оказался на другом конце стола. Разбираться было некогда – нагрянули гости. Вечер заполнили тосты, разговоры, танцы... А когда суэта закончилась, Оксана поняла, что Миши нет. Их друзья (его друзья!) прятали глаза, отворачивались. Миша уехал. Вместе с той женщиной – Наташей.

Надевая на ходу пальто, Оксана выскочила на улицу. Было очень холодно. По ночной Москве проносились машины, разбрызгивали снег по обочинам. Вот бы кинуться под одну из этих машин, разбиться, размазаться по дороге. Господи, за что, что я сделала не так? Почему?

Ветер, то ли злобно, то ли играючи, зачерпнул пригоршню

снега и швырнул Оксане в лицо. Этот стихийный жест отрезвил ее, привел в чувства. Она не бросилась под машину – лишь «поймала» одну из них и, не обращая внимания на водителя, громко, по-детски, заплакала. Водитель смущенно молчал, но не вмешивался: мало ли какие у людей беды, пусть поплачет, может, станет легче... А она смотрела сквозь слезы на большой бессонный город и чувствовала себя в нем маленькой, беспомощной. И при этом – очень взрослой.

В это время, Миша, виновато улыбнувшись, нажал на пульте CD-проигрывателя «стоп». Мелодичная «Весна» Вивальди, замешкавшись на мгновение, оборвалась на тонком «си». Наталья, новая подруга Михаила, терпеть не могла классику.

Как здоровье, доктор?

Запах хлорки, бежевые стены, пальмы и бамбук в пластмассовых горшках. И, конечно же, люди. Сегодня большая очередь – одиннадцать человек. В основном пенсионеры, но есть и молодежь: сутулый мальчик-подросток и высокая девушка с копной рыжих волос. Все сидят на обтянутых коричневой клеенкой скамейках, нетерпеливо поглядывая на закрытую дверь, словно этот взгляд может что-то изменить, ускорить. А дверь – что дверь? – дверь неодушевленная, она молчит. Самая «живая» ее деталь – это бронзовая табличка: «Голубев Игорь Семенович. Невролог».

И тут загорается лампочка. Следующий! Очередь шумит.

Женщина, ну куда вы лезете? Вы же не занимали! Наглость – второе счастье. Вот такие проходят как господа, а мы тут сидим как скоты... Нет, ну вы поглядите на это безобразие! Очередь кипит, возмущается, жалуется, потом успокаивается. Но проходит час, другой, и все повторяется – только другими голосами. Ну сколько можно ждать? Я тут с самого утра сижу! На одного пациента должно уходить не больше десяти минут, а он по полчаса каждого принимает – безобразие! Разве можно так над нами издеваться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.